

Т. Корсакова • С. и А. Литвиновы • Ю. Яковлева
• А. Чиж • М. Крамер • В. Введенский • В. Юрьева •
И. Любенко • Е. Неволина • И. Погонин
• И. Молчанова • А. Гадоль • Ю. Набокова •
Д. Клугер • А. Нури • А. Добров • Ю. Алейникова •

ТРЕПЕТЬ ЧЕРНЫХ КРЫЛЬЕВ

Сборник
мистических детективных
рассказов

 Любовь и тайна

Т. Корсакова • С. и А. Литвиновы • Ю. Яковлева
• А. Чиж • М. Крамер • В. Введенский • В. Юрьева •
И. Любенко • Е. Неволина • И. Погонин
• И. Молчанова • А. Гадоль • Ю. Набокова •
Д. Клугер • А. Нури • А. Добров • Ю. Алейникова •

ТРЕПЕТ ЧЕРНЫХ КРЫЛЬЕВ

Сборник
мистических детективных
рассказов

Москва
2017

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)бя43
Т66

Оформление серии *E. Анисиной*
Иллюстрация на переплете *E. Черновой*

Т66   **Трепет** черных крыльев : сборник мистических детективных рассказов / Москва : Издательство «Э», 2017. – 416 с. – (Любовь и тайна).

ISBN 978-5-04-089120-7

«Она бежала, не разбиная дороги, падая, разбивая в кровь коленки, царапая лицо и руки о ветки деревьев. Она потеряла башмачки, потом атласный плащ, а ненавистную красную шапочку сорвала с головы сама, зашвырнула в придорожные кусты. ...Она бежала уже не по лесу, а по дороге... а за спиной слышалось страшное рычание, Сказочник гнался за ней верхом на сказочном звере...» – это завязка одной из мистических историй, включенных в книгу «Трепет черных крыльев», в которой собраны рассказы самых известных мастеров остросюжетной литературы Татьяны Корсаковой, Анны и Сергея Литвиновых, Маринны Крамер, Антона Чижка, Юлии Яковлевой, Валерия Введенского, Екатерины Неволиной и др. Каждый из авторов представляет свой вариант потрясающей детективной интриги с незабываемой мистической атмосферой и героями, столкнувшимися с необъяснимой тайной и вынужденными бороться за жизнь...

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)бя43

© Корсакова Т., 2017
© Литвинов С.В., Литвинова А.В., 2017
© Яковleva Ю., 2017
© Крамер М., 2017
© Введенский В., 2017
© Неволина Е., 2017
© Чиж А., 2017
© Молчанова И., 2017
© Любенко И., 2017
© Алейникова Ю., 2017
© Клугер Д., 2017
© Набокова Ю., 2017
© Погонин И., 2017
© Нури А., 2017
© Добров А., 2017
© Гадоль А., 2017
© Юрьева В., 2017
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

ISBN 978-5-04-089120-7

Юлия Яковleva

СИРЕНА

Товарищ ясновидящий понравился Зайцеву.

Понравился сразу и всем. Вздыбленными патлами, словно над черепом их подняла работа мысли. Чуть выпуклыми внимательными глазами. Потрепанным, но когда-то хорошим, дорогим костюмом, сшитым на заказ. Правда, чужим: узкоплечее тело не совпадало с костюмом ни в углах, ни в прямых линиях, а тощие ноги бултыхались в штанинах, подшитых по росту. Костюм был там и сям присыпан пеплом. Курил ясновидящий много.

Зайцев разогнал дым рукой.

— Извините. — Ясновидящий суетливо вкрутил недокуренную папиросу в стоявшее перед ним блюдо. Но прежде уронил столбик пепла себе на колени. Створчатое зеркало позади него повторило движение в трех ракурсах: справа, слева, сзади. У ясновидящего были гримуборная и столик, как у провинциального тенора. Таковым он, в сущности, и был. Колесил по маленьким городам. Давал выступления. Собирал публику.

Публика уже разошлась. Разошлись и частные клиентки, стоявшие к гримуборной небольшой сжатой очередью, тщательно отводя друг от друга глаза, — каждая пришла со своей тайной.

Юлия Яковleva

Ясновидящий сидел, сгорбив тонкую спину: устал.

А в большие города не совался. Не дурак, похвалил мысленно Зайцев: в больших городах много скептиков. В том числе вредных для частного предпринимательства милиционеров и фининспекторов.

В Н-ске его и нагнал Зайцев.

— Не курите. Правильно делаете.

— Иначе в будущем меня убьет рак легких? — иронически отозвался Зайцев.

Товарищ ясновидящий пристально глянул.

— Нет.

Глаза у него были смышленые. Понимающие. Слишком смышленые. Одно слово: записной жулик.

Было ясно, что в Н-ск Зайцев приволокся зря. Зря потратил уголовный розыск деньги на железнодорожный билет и суточные.

— Вас убьет не рак.

Зайцев хмыкнул.

— Всех нас рано или поздно что-нибудь убьет.

— Вы не хотите знать — что?

— Нет, — честно ответил Зайцев. — Мне все равно.

— Все хотят, — удивленно то ли возразил, то ли сообщил ясновидящий. Лессинг его фамилия. Точно, Лессинг. Наверняка сценический псевдоним.

В Н-ск Зайцева привели крысы.

— И крысы — тоже всем мерещатся?

Товарищ Лессинг прикрыл выпуклые глаза. Комедия. «Работает ясновидящего», — мысленно хмыкнул Зайцев. Тем не менее в зале тогда, по сообщению агента, было несколько десятков человек. И все принялись ахать, задирать ноги, вскакивать на стулья. «Крысы!» Дамы визжали.

Массовая истерика, короче. Хоть местный мильтон и божился, что крыс видел сам. «И супруга моя

Сирена

подтвердит». «Все ясно», — сразу понял тогда Зайцев. И не ошибся.

— Отвечу вам честно, — промолвил товарищ Лес-синг словно нехотя.

Ответы его Зайцеву на самом деле были ни к чему. Достаточно пяти, даже четырем подсадным уткам в разных точках зала начать вопить: «Крысы», как паника охватит остальных. Кто там будет вглядываться под стульями? А даже если и посмотрит: всегда мелькнет какая-то тень, которую можно будет принять за серую спинку, за мелькнувший хвост. Товарищ Лес-синг был профессиональным мошенником. В его способности нанять с полдюжины помощников Зайцев не сомневался. Он сам бы, например, именно так и поступил, случись ему зарабатывать на жизнь надувательством.

— Гипноз, — проговорил ясновидящий устало, как трудовым рублем подарил. — Ничего более.

И распахнул глаза. «Пронзительный взгляд» в самые зрачки. Трюк, видимо, действовавший неотразимо на провинциальных баб. Зайцеву стало противно. Несчастные — не вдовы, во всяком случае, не официально, — они все хотели знать, где их пропавшие мужья. Или отцы. Или братья. «Десять лет без права переписки» — так вроде звучала эта ныне популярная формула. На этом вот «без права переписки» жулики вроде Лессинга зарабатывали свои мятые, теплые, из лифчика вынутые рублишки.

— А разве гипноз бывает массовым? — спросил Зайцев без интереса.

Он и спрашивал уже по одной всего причине: поезд, который унесет его обратно в Ленинград, покачивая фанерными боками купе, был только завтра. В Н-ске по-всякому предстояло провести ночь, поза-

Юлия Яковleva

втракать. А прежде хоть как-то проглотить остаток вечера.

Гипнозом уголовный розыск не интересовался. С гипнозом Институту мозга все было ясно. Поручено было искать только ясновидящих. Агентов, участковых, даже уличных постовых согнали на собрания. Под подписку о неразглашении. Объяснили задачу. Дали инструкции. Все заявления и сигналы от населения тщательнейше собирались. Регистрировались. Подшивались. Проверять их выезжало только их звено. Человеко-единицы, друг друга не знавшие, до того никогда вместе не работавшие (потом их точно также рассыпят по разным городам), подписавшие документ о неразглашении. Зайцев — одна из них.

— Вы мне не верите. Вы — верите?

— Я верю в победу коммунизма, — быстро отозвался Зайцев, закидывая ногу на ногу. — Во всем мире.

Беседа с жуликом надоела ему.

— Хотите попробовать?

Лессинг сказал: «хочете».

— Зачем?

— Гипноз открывает человеку то, что спрятано сознанием. Что у вас спрятано сознанием?

Но ответить Лессинг ему не дал. Видно, понимал, что ответом будет скептическая ухмылка: мол, так я тебе и сказал, ага.

— Не говорите! — быстро перебил он сам себя. Булыхнул ногами в просторных штанинах. Тон приподнятый, оживленный. Истерика, которой заражаются несчастные, пришедшие заразиться надеждой. Вот его метод, понял Зайцев.

— Не говорите! Пусть это останется для вас! Мне не нужно знать! — взмахнул руками он.

«Ага, — зло подумал Зайцев. — Бабе, у которой арестовали мужа, замордованный анкетами “укажите то-

Сирена

то”, только и надо услышать: не хочу знать. Наконец-то, после всех въедливых анкет, чисток, расспросов кто-то не хочет».

Зайцев с пониманием относился к ловцам дураков. И даже ценил артистизм. Ловцов несчастных он не навидел. Арестовать бы тебя, гада. Но он знал, что у осторожного Лессинга все с документами и финотчетностью в порядке. Он даже числился по Циркосиюзу — «артистом эксцентрического жанра». Платил взносы. Арестовывать его было не за что.

Лессинг оживленно шаркнул стулом. Придвинулся к Зайцеву ближе. Зайцев чувствовал слабый запах нафтилина, исходивший от купленного в комиссионке костюма.

— Хочете сеанс?

— Валяйте, — холодно ответил Зайцев. Надо же что-то написать в отчете о командировке.

Лессинг взмахнул кистями, как дирижер, приступающий к партитуре, или хирург, которому медсестра уже завязала на затылке марлевую маску. Вынул из кармана пиджака коробок. Чиркнул спичкой.

Оранжевое треугольное пламя перед его лицом — перед глазами Зайцева. Тот невольно отодвинулся. Еще не хватало уйти от мага без бровей.

— Смотрите сюда. Думайте о нерешенной тайне. Загадке. Вопросе, на который нет ответа. Который вас мучает. Вы уже думаете?

Была маленький косматый цветок огня — спичка была дрянная. «Сейчас он обожжет себе пальцы», — подумал Зайцев. Он не врал без причины. Даже жуликам. Не ради жуликов, таков был его личный пакт с жизнью. Или тем, что люди обычно называют судьбой. Поэтому когда Лессинг опять «пронзил взглядом» своих карих глаз, опять спросил: «Вы думаете о нерешенной загадке? Вас она мучает? Вы слышали

Юлия Яковleva

те мой голос? Думайте», — Зайцев честно подумал. «Меня мучает, что у гражданки Брусиевой был красивый голос».

...И фамилия, неприятно напоминавшая органам о знаменитом царском генерале. Впрочем, фамилия была ни при чем. Анна Брусиева заполнила тыщи анкет: она была благонадежной советской клячей. Счетовод артели. Лет пятидесяти. Таких носятся по Ленинграду толпы: стоят в очередях, лаются с соседями, а по вечерам, накручивая волосы на бумажки, говорят мужу: «Какой ужас, тот кусок мыла...» Вот только голос — глубокий, женственный. Зайцев смотрел на нее, и все ему казалось, что сейчас она со смехом отложит свою кособокую сумочку из «чертовой кожи», которой постыдился бы даже молескиновый диван в зайцевском кабинете. Снимет парик вместе с жалкой шляпой, отклейт унылый восковой нос, вазелином снимет нарисованные у носа и губ морщины, темные мешки под глазами.

Даже Крачкин сунулся в кабинет: кто говорит? — и тотчас перепрыгнул глазами с невзрачной Брусиевой, обшарил комнату взглядом. Как будто юная сирена с дивным голосом могла спрятаться в шкаф, под стол, под диван, обитый чертовой кожей. Установился на Зайцева, на Брусиеву и недоуменно убрался. Видно, решил, что в кабинете курлыкала трансляция из Большого театра: дива-лауреат рассказывала по радио о творческом методе и вдохновляющей силе, которую партия коммунистическая придает ее партиям оперным.

— Он хочет меня убить, — сказала тогда Анна Брусиева. — Муж.

И вынула из сумочки листок. Сумочки из кожи натуральной товарищ Брусилов, видимо, дарил только любовнице. Недописанное письмо к ней и попало случайно в руки Анны. Анны Петровны.

Сирена

— Оно было в его портфеле. Он начал его писать... — она замялась, — какой-то женщине. Я положила ему туда завтрак, и...

Она сырьо, шмыгая и комкая платочек, заплакала.

Зайцев тем временем прочел: «Дело чертовски изящное. Никто концов не отыщет».

— Моя соседка по квартире своему мальцу каждый день орет: убью! — Зайцев вернул листок. — Убью: пей молоко, гад, тебе нужно поправляться.

Его, впрочем, озадачило определение «чертовски изящное».

— Вы мне не верите?

Щелкнула, проглотив листок, сумочки с шариками. Зайцеву некстати вспомнилось, как назывался этот фасон у ленинградских проституток — «яйца любимого всегда со мной». От моды Брусицова отстала. А ведь не так уж недурна собой. Если разгладить на лице и снять с плеч выражение вечной усталости. Ее бы приукрасила хорошая, новая одежда, ладная прическа и шляпа — вместо того гриба, что висел на голове. Но одевать у частного портного товарищ Брусицлов, очевидно, предпочитал любовницу. Которой писал письма.

— Черт его знает, гражданочка. А вы так-таки сразу и поверили, что убьет? Он вас лупит?

Брусицова вскинула негодующий взгляд.

Зайцев поправился: «лупят» простых баб, в интеллигентных семьях мордобой называется иначе, но и скрывается от других истеричнее.

— Руку поднимал?

— Нет! — запротестовала Брусицова. — Нет!

И опустила глаза.

Не хотелось ее пугать. Но и тревога была понятной. Из письма Зайцев уяснил положение. Брусицова не лаялась с соседками. Она была счастливой облада-

Юлия Яковleva

тельницей отдельной квартиры — вдовье наследство от супруга-профессора. И второй брак. Квартирный вопрос запер товарища Брусилова в постылом браке. Избавиться от супруги законным путем, но сохранить лакомые квадратные метры отдельной квартиры представлялось задачей куда сложнее, чем та, где требовалось перевезти волка, козу и капусту.

Как убьет — в письме сказано не было. Изящно? Зайцев мог только гадать, что бы это значило. Морфин? Но концы в отравлении морфином найдет опытный эксперт.

— Что же делать, товарищ? — снова подняла покрасневшие глаза Брусилова. Голос ее пробирал — как будто кто-то гладил нутро меховой перчаткой. Зайцеву не хотелось глядеть — хотелось просто слушать. Взгляд разбил бы волшебство. Тем более что делать было нечего. Письмо и письмо. Фигура речи. Товарищ Брусилов легко отбредется и будет прав. Уголовный розыск не занимается преступлениями, которых нет. Но не скажешь же: «Вот когда убьет, тогда и приходите».

— Что же мне делать?

Дивный голос: голос Джильды, Tosки, Чио-Чиосан, Аиды.

Он посмотрел ей в лицо, постарался, чтобы взгляд вышел теплым, а тон серьезным, но ободряющим.

— Быть осторожнее. Присматривайтесь. Не отправляйтесь с ним в одиночку, особенно в глухие места.

— Дача?

О, и дача тоже имеется. Брусилова, тогда еще не Брусилова, а профессорская вдова, была лакомым кусочком; дача ухудшала дело.

— Например.

«Боже, что я несу! Он же может ее просто придушить, причем где угодно. У мужчины всегда преимущество: он физически сильнее женщины».

Сирена

— И все?

Зайцев не ответил.

— Он знает, что я взяла письмо!

А если не фигура речи? Сейчас он ее в любом случае не тронет, прикинул Зайцев. Раз знает о письме. Фитилек-то пригасит. Затаится. И даже изобразит воскрешение чувств. Зайцев решил, что все же на ведается к товарищу Брусилову для воспитательной беседы: пуганет. На всякий случай. Записал адрес.

Ночью, не успела бригада разойтись по домам, их погнали на новый вызов. Труп. «Русалка», — уточнил Самойлов. Так на их жаргоне называли утопленниц.

Выловили ее из Фонтанки. На воде плясали блики — круглое личико луны казалось пробитым в небе с помощью канцелярского дырокола. Женщина лежала на животе. С мокрой плети волос, с потемневшей, облепившей тело одежды стекала, сочилась, тут же подергиваясь пылью, вода. В лунной темноте она казалась кровью.

— Свидетели есть?

— Какие! Ночь- полночь.

Ночь, увы, была не белая, а самая обычная, хоть и ясная. В такие ночи мало надежды на гуляющих прохожих или просто не спящих, что таращатся в окно.

Подошел Самойлов.

— Дворник в парадной, — он махнул в сторону набережной, — показал: видел гражданку, бежала.

Подошел и дворник.

— Здорово,уважаемый, — шагнул к нему Зайцев. — Что за гражданка?

Борода у дворника росла от самых глаз, зато была подстрижена коротко. В глазах сияла едва сдерживающая важность. Очевидно, ему было что сообщить.

— А такая, что мокрая!

Зайцев не понял.

Юлия Яковleva

— Эта гражданка? — показал он на утопленницу.

Дворник уставился на тело.

— Ишь ты.

Перекрестился. Но не мог отвести любопытных глаз.

— Эта гражданка? — пробудил его Зайцев.

— Может, и эта, — нехотя очнулся дворник — мысленно он, похоже, уже репетировал свои рассказы любопытным жильцам: кого нашли, как нашли. — В темноте один черт.

— Так-то оно так. Так, может, вовсе гражданин бежал, а не гражданка?

— Каблукки стучат. Значит, гражданка.

— Откуда бежала?

— От этой, от Фонтанки. Мокрая, как курица.

— Чего?

— Как курица, — повторил дворник.

Тротуар, земля, парапет были сухими — дождя не было.

— Откуда знаешь, что мокрая? Ты ж только что говорил: темно, — нахмурился Зайцев.

— Хлюпало, — дворник задумался, видно, не очень был доволен сам собой; лицо его сделалось свинцовым, потом оживилось. — Да она когда под фонарем пробегала, я и увидел: мокрая, стерва!

— Это как? — вмешался Крачкин. — Раз сиганула, побегала мокрая, а потом снова в воду? Холодновато для купаний-то. И место неподходящее.

— Я не выпимши, — быстро и с обидой ответил дворник.

Больше толку от него не добились. Да и те сведения, что он сообщил, скорее путали, чем объясняли.

Самойлов шарил багром.

— Епт, Вася. Давай света дожидаться. И водолаза пустим.

Сирена

С багра стекала серебристая лунная вода, падали холодные капли.

Крачкін перевернул тело. Зайцев почувствовал штырь в горле. Не вынимая руку, прямо в кармане скомкал бумажку с адресом.

Было ли это тем самым «изящным» делом рук благоверного или спрыгнула Анна Бруси́лова сама в воду... Да только кто ж прыгает в Фонтанку? Самоубийцы предпочитают невские мосты.

И почему она уже была мокрой?

Супруга допросили днем. Плотненький торгработник, энергичный строитель собственного благополучия. Зайцев тотчас сделал поправку в своем правиле: не всегда мужчина физически сильнее женщины. Тело под костюмом угадывалось рыхлое, как желе.

Только не дал допрос ничего. Мотив?

Товарищ Бруси́лов не растерялся:

— А у кого его нет, если есть жилплощадь? Вот у вас, товарищ милиционер, она есть?

И заложил ногу за ногу, расплющив толстенькую ляжку об другую.

Он вообще держался бойко. Не робел. Робеть ему причин не было: в ночь, когда погибла его жена, он сам играл в карты на Васильевском острове. Заигралась допоздна. Спохватился — а мосты уже развели. Пришлось оставаться ночевать на Васильевском. Зайцев не поленился, потолковал с этими «приятелями» — оказались тихой интеллигентной семьей инженеров, все подтвердили. Бруси́лов физически не мог убить жену. Неву не перепрыгнешь. Самое что ни на есть ленинградское алиби.

Крачкін возмущенно крякнул.

— И не зацепить гада, — признал и он. — В карты играл, да. Квартира теперь его, признает. Но он прав: это еще не уголовное преступление.

Юлия Яковleva

— Что же, он с нашего благословения выйдет отсюда и на дачку свою отправится? Наслаждаться собственностью, отдыхать от причиненного волнения?

— Может, и не на дачку, — успокоил Крачкин, — а на службу. Чтобы прогул не влепили. Что ты глазищи вытаращил, как кот? Может, она сама в Фонтанку сигнала. Иногда самые очевидные объяснения являются самыми верными. И копать здесь нечего.

— А письмо?

— А что письмо?

— Ясно выраженное намерение убить.

— Может, она сама его и написала, это письмо. Ты следы этой пресловутой любовницы нашел? Хоть пылинку?

— Нет.

— То-то и оно.

— Но зачем ей письмо липовое писать и перед нами комедию ломать?

— Внимание привлечь. Если ты верно предположил и супруг ее поколачивал, то знаешь, Вася, не так легко даме об этом заговорить, особенно с посторонними, да еще мужского пола. Особенно даме интеллигентной.

— Да, — протянул Зайцев. — Почерк бы сличить. Да письмо тю-тю.

Уродливую сумочку с «яйцами любимого» нашел водолаз — довольно далеко от того места, где выловили тело. Письма в сумочке не было. Ни смытого водой, никакого.

— Сама, по всему, и прыгнула. От жизни от такой да от стыда.

— Ее колотят, а ей же самой и стыдно?

— Ты, Вася, не знаешь женщин.

— Ты зато знаток, ага.

Сирена

И видя, что он все еще сомневается, Крачкин добавил:

— Оставляй службу на службе, Вася. Не то она тебя скрутит раньше времени. Учись забывать.

Год был двадцать совсем небольшой, а Зайцев — желторотиком.

Он не скоро забыл это дело. Не то что забыл, а перестал про него думать. Этому он научился — откладывать в долгий ящик памяти. А забыть совсем — нет. Это было невозможно. Как ни убеждал он себя, что любой на его месте повел бы себя так же, особенно любой сосунок, как ни крутил в уме их разговор, поворачивая то одной гранью, то другой, лучше не становилось: не отпускало. Смерть этой незнакомой ему, ничем, кроме голоса, не примечательной женщины, а главное, то, что убийца провернул свое, как обещал, сидел здесь перед Зайцевым глумливо и ушел непойманным, — все это осталось, как рана, открывающаяся к непогоде. Дивный голос...

— Вы слышите только мой голос, — донеслось до него. — Раз. Два. Три.

Хлопнули ладоши.

Зайцев уставился на Лессинга. Память, очевидно, за несколько мгновений выкрадла и пронесла Зайцева по тому ленинградскому деньку, по той ночи, когда из Фонтанки выловили тело. Он снова был в Н-ске, в гримерке жулика. В пепельнице еще дымилась обгоревшая спичка.

— Так как?

Зеркало показывало бок, другой, спину. Было скучно. Ухватки провинциального мага раздражали.

— Перестаньте, — оборвал Зайцев. — Я в эти игры не играю, товарищ Лессинг.

И вышел.

Юлия Яковleva

Уборщица догребала тряпкой последний мусор, оставленный в Доме культуры публикой на выступлении артиста эксцентрического жанра. На испарившемся паркете бывшего дворянского особняка тянулись влажные полосы. «Мокрая, как курица». Есть хоть один человек на свете, который видел курицу мокрой? А мышь? Откуда вообще пошли такие сравнения? «Бежала от Фонтанки».

Воспоминания разбередили его. Он охотно прошелся бы, дав невскому ветру выдуть из головы ненужные мысли. Но, во-первых, реки в Н-ске не было. Во-вторых, улицы без фонарей были темны. А в-третьих и главных, Зайцев не знал город — симпатичный провинциальный русский городок — и не хотел знать. Завтра он уедет отсюда навсегда.

Номер его был выкрашен масляной краской. Чьято рука тую натянула серое одеяло с надписью «ноги» на кровати, подоткнув края. Рука, видимо, служила здесь еще до революции. Окно в номере было высоким, на потолке лепнина. Орнамент бежал по потолку и с размаху упирался в стену: советская перегородка выкроила из одного дореволюционного номера два. В углу примостилась маленькая раковина с медным краном. Видимо, поэтому апартамент назывался сейчас «литерным». Другой роскоши Зайцев не заметил. Пахло крепко въевшимся в стены табачным дымом и чужими жизнями. Остальные номера, не литературные, надо полагать, были совсем ужасны.

«Лишь бы не было клопов», — оптимистично подумал Зайцев. И повалился спать.

Разбудили его не клопы.

«Я хочу знать!» Голос был жалобным, но требовательным.

Он сел на кровати. Тишина. Только странный шуршащий стук. Зайцев послушал. Шрх. Шрх-шрх. Серые

Сирена

холмы коленей. Надпись «ноги» терялась в темноте. Шрх.

Он увидел ночную бабочку: билась мохнатой головой о темное стекло. Шрх. Шрх. Сердце почему-то сжалась тоска.

Зайцев встал. Принялся ловить. Окно слишком высокое. Матерясь, залез на подоконник. Наконец сумел поймать в просторную горсть. Бабочка трепыхалась в ладони и казалась очень большой. Он открыл форточку, просунул кулак наружу — вытряхнул. Постоял, чувствуя холод стекла. Но тоска почему-то не ушла.

«Я должна знать», — с мукой выговорил голос. И Зайцев чуть не свалился с подоконника, едва удержал равновесие. По ногам, поднимая волоски, пробежали мурашки. Зайцев матюкнулся, замер.

«Кабы знать наверняка». Голос Джильды, Чио-Чиосан. Голос Анны Брусиевой. «О-о-ох. Только бы знать точно». Он доносился чуть приглушенно. Издалека. И Зайцеву не хотелось думать об этом далеко, о которм, вопреки расхожим представлениям живых, похоже, знают далеко не все.

«Скажите же мне! Скажите».

Тосклиwyй нoчnoy uжaс прошeл тaк же внезapнo, как пришел.

Мистиком Зайцев не был. Он даже не мог сказать, что верит в «некую тайную силу», как говорят обычно те, кто хоть во что-то верит. Что голос звучит в его собственной голове — он понял почти сразу.

Очевидно, это было проделкой проклятого мага. Ясновидящим товарищем Лессинг не был — все случаи, что Зайцеву случилось проверить по заданию Института мозга, убедили: ясновидения не существовало. Но приемами гипноза товарищ Лессинг, похоже, владел вполне, раз сумел построить на них карьерку

Юлия Яковleva

«артиста эксцентричного жанра». Одним лишь подвешенным языком и выразительной игрой публику долго не удержишь.

«Помогите мне, помогите», — потребовал дивный голос.

Зайцев уже совершенно успокоился. Ну голос в голове, ну и что? Наркотиков Зайцев не пробовал, но пьяным бывал. К утру выветрится, как хмель. А пока назовем его голосом совести.

На паркете лежала лунная дорожка.

«Помогите, — с мукой повторил голос. — Я больше не могу».

— Ничего, гражданичка. Успокойтесь, — вслух сказал лунному свету Зайцев. И услышал, как голос удивленно умолк. Голова работала над галлюцинацией совершенно самостоятельно, не мешая сознанию. Его собственные мысли текли в обход бесплотной Анны Брусиловой, порожденной его мозгом. Зайцева это позабавило. Знаменитый хирург Пирогов, умирая, продолжал диктовать студентам, описывал собственные ощущения: еще один клинический опыт. Спокойный интерес ученого, чуть окрашенный весельем (поскольку бредить наяву и болтать с собственным бредом ему еще не приходилось) — вот что чувствовал Зайцев.

Он слез с подоконника.

— Сейчас разберемся.

Ступни холодил пол. Зайцев залез под кусачее одеяло, расправил простыню, чтобы не касаться кожей шерстяной поверхности.

В молчании голоса он слышал надежду.

— Рассказывайте по порядку, — пригласил он. На крошечный миг ему опять сделалось жутко, но в следующую секунду ужас снова стал веселым: что-то голос скажет?

Сирена

— По порядку, — с горькой иронией откликнулась Анна. — Порядок. Слово-то какое. Какой уж порядок в любви? Нет там никакого порядка.

Зайцев вспомнил ее толстоногого мужа, тогда уже вдовца. Он — и любовь? Кто людей, в самом деле, разберет. А дивный все-таки у нее был голос. Зайцев, натянув одеяло под подбородок, с наслаждением слушал глубокие, прекрасные переливы. Анна говорила прочувствованно и выразительно. Даже слишком выразительно. Обычные люди в обычной жизни так не говорят. Но так уже подавал ее сейчас его мозг. Зайцева и это забавляло.

— Вы говорите, а я сам разберусь и порядок наведу, — добродушно заверил он галлюцинацию.

Анна глубоко, со стоном вздохнула.

— Ходил он сперва. Все ходил и сидел. Серый мышонок. Никто на него внимания не обращал. Сидел и не говорил ни слова. Час мог просидеть, и два, и три. Так что я привыкла. Сидит и сидит. «Вы говорите, — он мне говорил, — я слушаю». Привыкла. А потом как-то вечером все было как обычно — цветы, комплименты, поклонники...

«Во заливает», — не удержался в мыслях Зайцев: вспомнил унылый облик Анны. Но тотчас простили галлюцинации это женское вранье и хвастовство — ведь это он сам ей его придумал.

— А только тошно мне. Не тошно даже. Тоска сердце сосет. Не тоска, а маэта. Маюсь, места себе не найду. И вдруг поняла: нет моего серого мышонка в его обычном углу.

Голос задумался.

— Вот как? Куда же он делся? — подтолкнул Зайцев.

— И я поняла, что он точно мне сказал, — снова оживился голос. — Он слушал! Понимаете, до сих пор меня не слушал никто. То есть слушал, вы же понимаете?

Юлия Яковleva

те, многие люди слушали... Вы понимаете, что я хочу сказать. Но никто не слушал.

Зайцев устыдился. Он и сам слушал. И не слушал одновременно. Слушал дивный голос, его глубокие, небесные, женственные звуки. И плевать было, что заключен этот голос, как мифическая нимфа, в крявый ствол дерева, в унылую телесную оболочку Анны Брусиевой. Он понимал мышонка. Он теперь верил, что вначале была любовь. Или нечто к ней очень близкое. Голос Анны можно было слушать бесконечно.

Как жаль, что она ошиблась: подумала, будто серый мышонок слушал, что именно она при этом говорит.

— Вы молчите? Почему? — По голосу пробежала морская волна. А потом издевка: — Не можете представить, чтобы я и он... Никто не мог представить нас вместе. Я видела это по их глазам.

«Да, — согласился сам с собой Зайцев. — Поначалу прежний профессорский круг был скандализован новым избранником. Прежние знакомые постепенно перестали навещать. А потом и отпали совсем».

Мысль работала, не мешая самой себе создавать Анну.

— А все оказалось лучше, — горячо возразила она. — Только и вы не поймете... Ах, есть тайны, которые известны только двоим. Но ведь я должна рассказать все, верно? Без утайки? Иначе я не узнаю... А я должна знать! Вы понимаете, я должна знать.

— Да.

— Хорошо.

Голос помолчал. Видимо, мысль Зайцева силилась подобрать убедительное объяснение и нашлась не сразу. А потом голос снова заговорил: казалось, тяжелая морская птица постепенно отрывается от воды, набирает высоту и силу полета.

Сирена

— Я сама себе казалась огромной, как океан. Как земля. А он — маленьким жрецом. Заклинателем. Который знает, что земля может поглотить его в один момент. Что океан его в лепешку раздавит. Но он бросался в пучину. Очертя голову. Как в омут. Не до конца уверенный, что не будет выброшен, не погибнет. Вот такая у нас была любовь. И пусть осуждают!

«Ишь ты, — подумал Зайцев. — Неужели у меня такое носилось тогда в голове?» Не удивительно, что таким мыслям он не дал хода, похоронил и запечатал, пока провинциальный гипнотизер не высвободил их из долгого ящика памяти.

Тем временем мышонок освоился в бывших профессорских апартаментах. А еще через некоторое время решил, что неплохо бы ему самому всем этим владеть. А может, с этой мыслью он и подступил к вдовице с самого начала? Или все-таки в начале был голос? Все-таки были чистые чудные мгновенья в этой истории?

— Я забыла, — рассеянно прошептал голос. — На чем я остановилась?

— Что он хочет вас убить, — безжалостно напомнил Зайцев. И опять почувствовал старую боль. Боль старого шрама — не помог, не спас. А мог. Или не мог? Пусть она ответит. Пусть ответит и уйдет навсегда.

— Убить, — раздельно повторил голос. — Какая на- смешка. Не правда ли?

— Он вас бил?

Молчание. Зайцев знал: перед ней полыхал забор жаркого стыда. Тогда она не смогла его перешагнуть. Если только Крачкин был прав.

Но сейчас она перешагнула — заговорила. А Крачкин оказался не прав.

— Это я его била.

Юлия Яковleva

«Точно. Ведь я тогда подумал сразу, как его увидел: неспортивный товарищ. Моя первая мысль была... Я просто не осмелился тогда додумать ее до конца. Унижение — мотив почище квартирного вопроса. А впрочем, как это тогда могло мне помочь? Никак. Гад ушел ненаказанным, вот и весь сказ».

А Анна все говорила, прикасаясь к воспоминаниям — и обжигаясь. Зайцев слушал вполуха. Отмечая себе только контуры по точкам-узелкам.

— Била не сразу. Не сразу начала бить. Первый раз я его ударила... Просила прощения. Долгое время было все хорошо. Потом я все чаще стала срываться. Экстессы стали повторяться.

Его больше не удивляло, что эта Анна, властная и вспыльчивая, была совершенно не похожа на ту, что пришла к нему с письмом, забитую клячу. Они отличались ровно настолько, насколько сам Зайцев теперь отличался от себя самого, тогдашнего сосунка. Теперь он совсем иначе умел читать людей и понимать — тех, кого прочел давным-давно. «И ни черта тогда в них не понял», — с легкой грустью подумал он, глядя сейчас в лепной потолок с орнаментом, что упирался в фанерную стенку.

Экая штука человеческая мысль, дивился он, как она возводит свои города, населяет земли, создает из облачка живых людей. Вот уже брак Брусиловых нарисовался перед ним, как будто он сам был их соседом, слушал вопли за стенкой. Вернее, в таких браках жертва обычно молчит во время экзекуции. «Экстесса», как выразилась Анна. Пока однажды жертва не восстает на изверга. И тогда поколачиваемая мужем женщина от отчаяния хватается за нож. Сколько таких несчастных получило свой срок, сокрушенно подумал он. Несмотря на смягчающее «состояние аффекта» и малолетних детей.

Сирена

А что в таких случаях сделал бы поколачиваемый муж?

Галлюцинация все не тускнела:

— И когда я увидела эту его так называемую любовницу... — с отвращением выговорил голос.

Зайцев сел на постели. Любовница!

Голос Анны теперь звучал фоном, как отдаленное шипение набегающих на берег волн. Не мешал думать.

Неопытный следак, он тогда все сделал по инструкции. Опросил сослуживцев Брусилова («исполнительный», «аккуратный»), соседей по лестничной площадке («интеллигентные люди, тихо живут, как же еще?»). Потолковал с названными Брусиловым знакомыми с Васильевского острова, у которых он в тот вечер засиделся в гостях, пока не развели мосты и вечер не превратился в ночь, когда утонула Анна Брусилова. Никто не знал ни о какой любовнице. Все дружно удивились самому предположению. Все энергично протестовали. Знакомые с Васильевского — особенно. Он и она. Особенно она. Зайцев изо всех сил принялся наводить память на резкость. Стался вспомнить лицо, ее ответы, как она держалась. Тщетно. Память буксовала, как будто с увеличивающимся изображение колесика сорвало резьбу.

Он выругался. Чертов идиот! В голове наступила полная тишина. Даже голос Анны умолк.

А потом заговорил:

— Что же мне делать? Что?

В дивном сопрано дрожали слезы.

— Я не хочу умирать. Не сейчас, когда все так...

— Что так? Прекрасно? — разозлился Зайцев на самого себя — ведь и галлюцинация была им самим. — Что именно? Муж, который решил вас убить? К чертовой матери все бросайте. Его в первую очередь.

Юлия Яковleva

— Но...

— Неужели вам мало письма? Куда уж яснее!

— Какого письма?

Зайцев устал. Хотелось заткнуть галлюцинацию. Но она, как туман, стояла в голове. Он стиснул кулаками виски:

— Надоело.

— Какого письма?

Зажмурил глаза, открыл. Что еще помогает в таких случаях? Уципнуть себя? Но он не спит. Зайцев понял, что никогда не стал бы баловаться наркотиками. Скучно: соль шутки уже давно понятна, а шутка все не прекращается.

— Какого письма? — требовал голос в голове.

— Посмотрите в вашей сумочке.

— В сумочке? — поразилась она.

— Дивный фасон. Отличный молескин. «Яйца любимого всегда со мной».

И одним рывком спустил ноги на холодный пол.

Сумочка!

Ее не нашли на теле. Ее не нашли рядом с телом.

Память тут же услужливо подсунула: Самойлов с багром, падают крупные холодные капли, ничего.

Анна Каренина не зря оказалась на роковой платформе вместе со своим ридикюлем. Что бы ни случилось, какое бы драматическое событие ни предстояло в жизни женщины, она не бросит сумочку.

Сумочку Брусиловой нашел потом водолаз далеко от берега. Ее не унесло течением — массивные «яйца любимого» сразу утянули ее на дно.

Голос Анны вздрогнул от гнева и ужаса — как голос оперной героини, которой поднесли отправленную чашу.

— Молескиновая сумочка? У меня? — загремела она. — Никогда не стала бы носить такую гадость.

Сирена

Это немыслимо! Вы сошли с ума... Ах нет, — гневалась она. — Это я сошла с ума. Довольно! Все это чушь. Я сразу должна была понять. С меня довольно.

Ничто так не разъяряет женщину, как справедливое предположение, что ее массивный браслет — из дутого золота, а сумочки — из чертовой кожи.

Молчание было окончательным.

Анна ушла навсегда.

Зайцев сразу это понял. Но все равно подождал несколько минут. Голос не вернулся. Зайцев вздохнул. Гипноз провинциального мага отпустил его. Очевидно, у него был свой срок действия, как у наркотика или водки.

Но мысли неслись вперед с прежней силой. Сумочка. Кто-то забросил ее туда. С отвращением, на которое не способен был мужчина. С чисто женским отвращением к уродине.

И сразу все остальные кусочки легли на место. Мокрая женщина, которую видел дворник. Конечно! Женщина, любовница. Не достаточно сильная, чтобы сбросить Анну Брусилову в воду. Они упали вместе. Боролись. Анне не повезло. Или она просто не умела плавать? Теперь ее об этом уже не спросишь. Даже и галлюцинацию.

А что бы она ответила?

Зайцев задумался. Порожденная его собственным мозгом, она не могла знать больше, чем знал он сам. Была ли у них тогда с Брусиловой речь об умении плавать? Он очень сомневался.

Как там гипнотизер сказал: он просто добывает из памяти зерна, не давшие всходов, давно в ней погребенные.

— Вы хотели знать, как умрете. Вас утопит любовница вашего мужа, — сказал он вслух. — Утащит в воду.

Юлия Яковleva

И утопит. Вот так вы умрете. И мы ничего не сможем с этим сделать. Простите меня.

Слова звучали глупо в пустой комнате.

Любовницу Брусишова теперь искать бесполезно. Решилась ли она на убийство сама, устав подталкивать робкого пингвина Брусишова? Или следовала его «изящному плану»? И кто она? Впрочем, теперь какая разница. Он этого не узнает. Ничего не докажет. Бедная Анна.

Домашняя тиранша, получившая свое.

«А голос все-таки дивный», — подумал он.

В окне серело. Защелкала невидимая птица. На Н-ск катило утро.

Галлюцинация, уйдя, оставила в виске иголку. Зайцев зевнул. И остаток утра пролежал без сна в постепенно накалявшейся постели, пока в коридоре не застучали ведрами уборщицы. Теперь можно было вставать и даже идти требовать себе завтрак.

В столовой оказалось на удивление людно. Все столы были заняты. По ленинградской привычке выдерживать дистанцию Зайцев замялся. Подошел к конторке, на которую бюстом опиралась массивная дама в белом халате.

— У вас аншлаг, — с улыбкой заметил он.

— Все из-за Лессинга этого. Он гастроль дает. К нам из других городов даже съехались.

Зайцев с удовлетворением отметил, что не ошибся: в большие города пройдоха не совался, отчаявшись и простаки больших городов сами ехали к нему.

— Из самой Москвы даже есть. Небезызвестные люди, — многозначительно добавила она.

— Из самой Москвы! — подыграл Зайцев. — А я вот из Ленинграда.

— И что скажете? Жулик он, по-вашему, или не жулик?

Сирена

Вопрос был скользкий. Неверный ответ мог лишить Зайцева завтрака.

— Думаю, есть много такого, для чего у современной науки нет объяснения, — обтекаемо ответил он.

Заведующая важно поджала губы.

— Куда же вас подсадить? Граждане такие капризные пошли — никто не хочет подсадок. — Она щелчком сбросила очки на кончик носа, оглядела зал. Висел тот рокот, составленный из стука приборов, солнечной пыли и негромких разговоров, который всегда бывает в общественных столовых. Оглядела, приметила стол.

Подсадила его на свободный стул. На трех других сидели три женщины средних лет: полная, толстая, очень толстая. Зайцев не выдержал, улыбнулся манной каше с желтым пятном масла, которую стукнула перед ним официантка. Зачерпнул ложкой желтый глазок.

— Хотите мое масло? — тут же предложила та, что была просто толстой. — Я на диете.

Заведующая оказалась знатоком душ: хоть за столом и так было тесно, три грации вовсе не возражали против появления за их столом голубоглазого Париса в потертом пиджаке.

— Не откажусь, — не стал ломаться Зайцев.

— Вы тоже приехали на Лессинга? И что скажете: правда это или нет?

Желтая лужица любезно плеснулась в его тарелку. Движение ложки проводил неодобрительный взгляд самой объемной из них. Просто толстая тут же забыла о Зайцеве, умаслила соседку по столу восхищенным взглядом. Полная и так уже не сводила с нее глаз. Зайцев тоже поневоле загляделся: огромная женщина держалась величественно и прямо. Она была большой и красивой.

Юлия Яковleva

«Ишь. Императрица Екатерина», — подумал Зайцев одобрительно.

— Так и чем все кончается? — несколько заискивая, напомнила ей просто толстая. — Вы не рассказали.

— Потому что вы меня перебили, — властно и не совсем любезно пророкотала гигантша.

Зайцев обомлел.

— А кончается эта опера для моей героини тем, что она топит любовницу своего возлюбленного, Сергея. На этапе, — важно добавила она. Бросила на стол салфетку. — Приятного аппетита.

Голос Аиды, Тоски, Чио-Чио-сан.

Поднялась, толкнув стол массивным краем. Величаво, как шхуна под парусами, удалилась.

За столом сразу посветлело, стало легче. Плечи обеих женщин обмякли, в глазах погас тупой восторг.

— Что уставились? — добродушно засмеялась, кивнула Зайцеву просто полная. — Узнали ее?

Зайцев помотал головой.

— Кто это?

— Угадайте!

Каша стояла в горле цементным комом.

— Не морочь его, Валя. Это Валерия Мирская, soprano Большого театра. Приехала сюда аж из Москвы ради этого Лессинга. А врет, что приехала в тишине, вдали от шума столицы учить новую партию. Как будто у нее дачи нет. Ха, партию она приехала учить, а на концерт Лессинга, мол, для смеха только ходила. Как же. Что-то я не слышала про такую оперу. В этой якобы опере она сперва любовника подбила всех убить, а потом сама любовницу его утопила, уже на каторге. Хорошенькая опера. Ха. — Толстая Валя опустила вилку в омлет.

— Не слышала ты, — возразила ее подруга, — потому что это партия из новой оперы товарища Шостака.

Сирена

ковича. Ты не помнишь, как товарищ Мирская сказала? Леди Макбет и как-то там дальше. Она вообще приятная дама, интеллигентная — лауреат все-таки. А злая такая сегодня, потому что этой ночью за стенкой у нее в номере какой-то гражданин всю ночь сам с собой болтал. Это она нам сама сказала. Натурально бредил.

— За стенкой? — Зайцев вспомнил обрубленный перегородкой орнамент. — Что говорил?

— Не сказала. Кому охота чужой бред повторять? Скажу только: он сильно ее расстроил. Это было заметно. Артистку может расстроить любая мелочь!

— От этого Лессинга все свихнулись, скажу вам. Тут и артисткой не надо быть. В нашем возрасте ночью не выспишься — и все, весь день потом злющая. Что-то вы какой-то тихий. Мы-то обрадовались: кавалер подсел. А вы молчите все. Вы тоже сюда приехали на выступление Лессинга? Что вы насчет него думаете? Ваше мнение?

Подошла официантка. Поставила компот в мутных стаканах. Блюдца с ватрушками. Не выдержала:

— Он правда ясновидящий, этот Лессинг? Или все это какой-то фокус? Мне вот билета не досталось.

Толстуха оживленно обернулась с блюдцем к Зайцеву:

— Я на диете, хотите мою ватрушку, молодой человек?

Содержание

Татьяна Корсакова. ВРЕМЯ СКАЗОК	5
Сергей и Анна Литвиновы. ПЫЛЬ НА ВЕТРУ	36
Марина Крамер. УТОПИ СВОИ ПЕЧАЛИ	58
Валерий Введенский. «КОТОЛИЗАТОР»	86
Екатерина Неволина. ВИНО ПОБЕДИТЕЛЕЙ	109
Антон Чиж. КТО ЗОВЕТ ТЕБЯ.....	124
Ирина Молчанова. СОСЕДКА В ГОЛУБОМ.....	156
Иван Любенко. ЗНАК САТАНЫ.....	186
Юлия Набокова. ПРОПАВШАЯ В ЛАБИРИНТЕ	214
Иван Погонин. ОТПЕЧАТОК НА МАНУСКРИПТЕ ..	231
Альбина Нури. ДВОЕ НА ДОРОГЕ	257
Андрей Добров. БИТНИКИ-3000	270
Александр Гадоль. АВТОРСКИЙ ПРОЕКТ	288
Юлия Яковлева. СИРЕНА.....	317
Даниэль Клугер. ТРЕПЕТ ЧЕРНЫХ КРЫЛЬЕВ	344
Влада Юрьева. МОЯ МАРИЯ.....	368
Юлия Алейникова. СОН НА ИВАНА КУПАЛУ	392

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Литературно-художественное издание

Любовь и тайна

ТРЕПЕТ ЧЕРНЫХ КРЫЛЬЕВ

Ответственный редактор *О. Лифинцева*
Младший редактор *М. Мамонтова*
Художественный редактор *Е. Анисина*
Технический редактор *О. Лёвкин*
Компьютерная верстка *В. Андриановой*
Корректор *Е. Дмитриева*

Фрагмент шрифтового оформления в дизайне обложки:
Epifantsev / Shutterstock.com
Используется по лицензии от Shutterstock.com

ООО «Издательство «Э»
123308, Москва, ул. Зорге, д. 1. Тел.: 8 (495) 411-68-86.

Өндіруші: «Э» АҚБ Баспасы, 123308, Мәскеу, Ресей, Зорге көшесі, 1 үй.
Тел.: 8 (495) 411-68-86.

Таяу белгісі: «Э»
Қазакстан Республикасында дистрибутор және өнім бойынша арыз-талағтарды қабылдаушының
өкілі «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қ., Домбровский көш., 3 «а», литер Б, офис 1.
Тел.: 8 (727) 251-59-89/90/91/92, факс: 8 (727) 251 58 12 вн. 107.

Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.
Сертификация туралы ақпарат сайтта Өндіруші «Э»

Сведения о подтверждении соответствия издания согласно законодательству РФ
о техническом регулировании можно получить на сайте Издательства «Э»

Өндірген мемлекет: Ресей
Сертификация қарастырылмаған

Подписано в печать 25.10.2017. Формат 84x108¹/32.
Гарнитура «NewBaskervilleCTT». Печать офсетная. Усл. печ. л. 21,84.
Тираж экз. Заказ